

УДК 82.09

**ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
КАК ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭВОЛЮЦИИ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ СТИХОВ Б. ЧИЧИБАБИНА
«ПЕРЕД ЗЕМЛЕЮ КРЫМСКОЙ СОВЕСТЬ МОЯ ЧИСТА...»)**

Остапенко И. В.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: i_ostapenko@mail.ru*

В статье рассмотрены аспекты поэтики книги стихов Б. Чичибабина «Перед землею крымской совесть моя чиста...» (2013), презентующие эволюцию авторского сознания в корреляции с изменением статуса Крыма в художественном мире. Исторически формирование художественных языков – кумуляция, параллелизм, тропы, простое слово – презентует процесс растождествления человека и мира, обособление человеческого сознания. Авторское сознание Б. Чичибабина эволюционирует от индивидуально-личностного к целостному единству. На уровне художественных языков метафора уступает первенство символу, но не исчезает из эстетического поля; введение простого слова в поэтическую реальность актуализирует кумулятивную связь; синтез мифопоэтического языка кумуляции и символа, понятийного языка метафоры и условно-поэтического языка «нестилевого» слова демонстрирует новые синкретические отношения в художественном мире. Это не является архаическим синкретизмом тождества, но демонстрирует интенции авторского сознания к единству с миром в его многогранности и целостности. Крым меняет свой статус от топоса к мифу и далее – к «своему» миру и для автора-творца, и для эмпирического автора, поскольку именно в Крыму произошла с Б. Чичибабиным духовная трансформация, что определило весь дальнейший жизненный и художественный путь поэта.

Ключевые слова: Б. Чичибабин, Крым, эволюция авторского сознания, автор-творец, картина мира автора, поэтологические трансформации, художественные языки, кумуляция, метафора, символ.

ВВЕДЕНИЕ

Объектом научной рефлексии в статье избрана книга стихов Б. Чичибабина «Перед землею крымской совесть моя чиста...» (2013) [25]. Имя Б. Чичибабина, русского поэта Украины, достаточно презентабельно в русской культуре, его творчество широко исследовано, в частности, благодаря проводимым в Крыму Чичибабинским чтениям. С Крымом Б. Чичибабин связан биографически, он много раз приезжал в разные регионы полуострова – Алупка, Ялта, Судак, Коктебель, Феодосия. Все поездки соотнесены с личной жизнью автора и нашли отражение в его лирике, демонстрируя этические и эстетические трансформации авторского сознания.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Книга названа по строчке из стихотворения «Крымские прогулки» (1961) [25, с. 12]. В подготовке книги к изданию принимала активное участие Лиля Семеновна Карась-Чичибабина, которая написала предисловие, где очертила биографические линии, связывавшие Бориса Чичибабина с Крымом. Кроме стихов, в книгу вошли письма и интервью поэта, данные крымским журналистам. Поэтические тексты в книге выстроены преимущественно по хронологии, совпадающей с посещением полуострова автором. В то же время, некоторые стихи написаны спустя значительное время после поездки, что биографическую линию в структуре книги нарушает, зато позволяет увидеть, как крымская тема обуславливает изменения в авторском сознании. Именно эта цель и поставлена в статье – выявить аспекты поэтики, презентующие эволюцию авторского сознания Б. Чичибабина в корреляции с крымской темой.

Трактовка понятия «авторское сознание» в данной работе коррелирует, в первую очередь, с бахтинской концепцией автора-творца [1; 2], с положениями работ С.Н. Бройтмана [4; 17] о родовой специфике лирики, основанной на особых синкретических отношениях автора с эстетическим объектом, презентованных в тексте уровнями картины мира автора [12; 13] – субъектным, хронотопным, образным, сюжетным – как элементами поэтики. Выявление поэтологических трансформаций в отдельных лирических текстах позволит проследить эволюцию авторского сознания как источника художественной системы в целом.

Обращаясь к крымским стихам Б. Чичибабина, имеющих прямое отношение к биографии поэта, важно обратить внимание на дифференциацию понятий «авторское сознание» и автор-творец в их корреляции с «биографическим автором». «Авторское сознание» формируется из взаимодействия эмпирического сознания биографической личности с ее духовным аспектом, назовем его абсолютным сознанием. Следовательно, оно строится на ценностной системе биографического автора, включающей этический аспект, актуализирует соответствующий личностный культурологический опыт и открывается для высших духовных истин и озарений, что традиционно именуется вдохновением. Авторское сознание, таким образом, не равно

сознанию биографической личности, но и без него оно немислимо, о чем неоднократно напоминали философы и поэты (Вл. Соловьев, Н. Бердяев, М. Бахтин и др.). Деятельность авторского сознания имеет творческий характер по аналогии с Творцом нашего мира. Но если Бог находится в творческом состоянии перманентно, то человек может периодически находиться в нем, проявляя таким образом свою божественную природу. В момент творчества авторское сознание, как синтез эмпирического и духовного начал личности, проявляет себя в одном из аспектов – предстает автором-творцом, в бахтинской терминологии, художественного мира.

Автора-творца обнаруживаем в целом отдельного произведения, а авторское сознание представлено всем творческим наследием, но еще и дополняющими его критическими, публицистическими, мемуарными, эпистолярными рефлексиями [10].

Эволюция авторского сознания Б. Чичибабина рассматривалась в других работах, было выделено три этапа творчества поэта, выявлены черты лирического субъекта и другие особенности, демонстрирующие изменения в эстетической реальности, созданной автором [11; 13; 14]. Но предметом в таких исследованиях, как правило, были книги стихов, собранные самим поэтом, в чем и проявилась деятельность именно авторского сознания. Книга же крымских стихов структурирована почитателями его поэзии. В результате наблюдений над объединенными одной темой текстами обнаружилось, что они не просто вписываются в намеченную ранее периодизацию творчества, но именно Крым стал если не главным, то одним из важнейших трансформационных маркеров в художественной системе Б. Чичибабина.

Поскольку в рамках статьи нет возможности проследить все аспекты поэтики крымских текстов, остановимся на наиболее презентативных – в данном случае, на субъектной и образной сфере произведений. Субъектной – так как в лирике автор и герой находятся в синкретических субъект-субъектных отношениях, что обуславливает характер лирического субъекта как презентанта авторского сознания, актуализирующего в эстетическом объекте биографический нравственный опыт. Образной – потому что слово в художественном произведении является вторичным знаком, «образом образа» (А.А. Потебня), «словом слова». И если автор-творец

типологически восходит к Богу-Творцу, то слово художественное является тем «Началом», из которого он создает свою собственную Вселенную – художественный мир. Интересно понаблюдать, по каким законам автор-творец выстраивает свой мир, и какими средствами и приемами пользуется, или – на каких языках говорит со своим читателем.

Напомним, лирика как самый архаический литературный род наработала несколько художественных языков, сложившихся исторически и эстетически – кумуляция, параллелизм, тропы, простое или «нестилевое» слово. Современная лирика использует их все, дифференцируя готовые и открытые поэтические образы. Говоря о словесных образах в художественном произведении, нужно помнить, что это не просто приемы и средства эстетизации, такой подход мы можем наблюдать и в языке как средстве коммуникации. Художественный язык – это моделирование новой реальности, рождающейся в авторском сознании, где строительным материалом являются первичные словесные образы, знаки эмпирической действительности. Авторское сознание в процессе творчества пересоздает первичное слово, сохраняя его внешний звуковой облик, наполняет новым значением и смыслом. При том, что и автор, и читатель одинаково владеют языком общения в пределах одной национальной культуры, авторское высказывание – это высказывание на ином языке, неизвестном читателю, другими словами – это «иносказание». И речь не о прямом и переносном значении слова в художественном произведении, но о принципиально «ином» смысле и значении, которым наделяет обыденное слово автор. Исходя из такого понимания художественного языка, мы и будем изучать образный язык Б. Чичибабина.

В трактовке сути художественного языка исходим из работ С.Н. Бройтмана [4], В.Н. Веселовского [5], Вяч. Иванова [7], Вл. Соловьева [16], Цв. Тодорова [18], В.Н. Топорова [20; 21], О.М. Фрейденберг [22], Р.О. Якобсон [26]. Обобщая позиции ученых, приходим к выводу, что смена художественных языков демонстрирует эволюцию человеческого сознания в смысле его поступательного развития, хотя правильнее было бы сказать – инволюцию, поскольку постепенно из целостного единого сознания выделяется индивидуально-частное, человек отделяет себя от мира,

мир становится «картиной мира» (М. Хайдеггер), представленной перед человеком-субъектом в виде познаваемого объекта [23]. Такая эволюция-инволюция человеческого сознания прошла этапы тождества, нераздельности-неслиянности и находится на стадии дополнительности в осмыслении отношений человека и мира, что соответствует трем культурологическим эпохам развития нашей цивилизации – синкретизма, эйдетической, модальности [4]. В лирике художественные языки сохранили изначальный синкретизм, который также трансформируется. Авторское сознание, презентуя один из своих аспектов через автора-творца отдельного художественного мира, каждый раз в миге лирического озарения как бы заново создает свой собственный язык, уплотняя и сжимая время, потраченное человечеством на свое развитие.

В крымских стихах Б. Чичибабина представлены все виды названных художественных языков, но их историческая последовательность в ходе построения эстетической реальности существенно нарушается, что не может не характеризовать определенные процессы в работе авторского сознания. Прежде чем показать их природу, остановимся на самой сущности художественных языков, актуальных для данного исследования.

Исторически первым художественным языком является кумуляция, на что указывал В.Н. Топоров [21], В.Я. Пропп [15], О.М. Фрейденберг [22], но обосновал данную концепцию уже С.Н. Бройтман [4]. Язык кумуляции строится по принципу простого нанизывания отдельных и самостоятельных слов-образов, находящихся в сочинительной связи присоединения, рядоположения, презентующих семантическое тождество при внешнем различии форм [4, с. 50].

Вторым историческим типом образа предстает язык параллелизма, формирующийся из кумулятивных образов, между которым устанавливается более тесная связь. В параллелизме, изначально двухчленном, один член, обязательно – первый, представал картиной природы, второй – картиной человеческой жизни. Идея двухчленного параллелизма, по В.Н. Веселовскому [5], состоит в «уравнении, если не тождестве», но в нем нет ни абсолютного тождества, ни полного различия. Из двучленного параллелизма развились многочленный, одночленный и отрицательный.

Из одночленного параллелизма впоследствии сформировались символы народной поэзии. То есть символ по своему генезису принадлежит к синкретическому типу образа и этим принципиально отличается от позднейших тропов. Природу символа исследовали Вяч. Иванов [7], Вл. Соловьев [16], А. Ф. Лосев [8], Цв. Тодоров [18], В.Н. Топоров [20; 21]. Символу наиболее близки принципы «различенного тождества» и множественности репрезентаций одной образной модели, поэтому он не сводим к тропу как следующему образному языку уже эйдетической эпохи. В символе, по Вяч. Иванову, отражена «природа всего бытия, Вселенной. Символ универсален потому, что – независимо от воли того, кто им пользуется – запечатлевает Универсум, бесконечный и внутренне противоречивый», в нем запечатлен «великий космогонический миф, в котором каждый аспект <...> находит свое место в иерархии планов божественного всеединства» [7, с. 537].

Завершает эволюцию параллелизма и вообще синкретического типа образности параллелизм отрицательный. После отрицательного параллелизма начинается качественно новая стадия развития художественного образа, основанная уже на принципе не синкретизма, а различия. По мнению С.Н. Бройтмана, А.Н. Веселовский в отрицательном параллелизме видел истоки первого образа тропеического языка – сравнения, а раннюю метафору возводит к символу, являющегося формой одночленного параллелизма. Метафора и есть «одночленная параллельная формула, в которую перенесены некоторые образы и отношения умолчанного члена параллели» [4, с. 58].

Что касается простого или «нестилевого» слова, то оно проникло в поэтический язык сравнительно недавно, в эпоху модальности, дополнив таким образом парадигму художественных языков. Впервые о нем упоминает Л.Я. Гинзбург [6]. «Нестилевое» слово не принадлежит какому-то определенному стилю, поэтическим «простое» слово делает контекст.

Следует еще указать на дифференциацию поэтических образов на «готовые» и «открытые», в терминологии Н.Д. Тамарченко [17]. «Готовые» поэтические образы сформировались в художественной словесности эйдетической эпохи и стали традиционными под влиянием науки риторики, к ним, из репрезентативных для данного

исследования, относятся тропы. «Открытый» поэтический образ «изоморфен (идентичен по структуре) созданному в произведении авторскому образу мира» [17, с. 142]. К «открытому» возможно отнести все типы художественных образов, созданных автором-творцом непосредственно для презентации собственного художественного мира.

В книге крымских стихов Б. Чичибабина наблюдается наличие практически всех видов художественного языка, что естественно для лирических произведений эпохи модальности. В то же время отчетливо прослеживается и их дифференциация относительно периодов творчества и соотносимых с ними биографических ситуаций автора, связанных с Крымом, и определенная система в их смене друг другом. Кроме того, сам Крым как художественный образ меняет свое качество.

Стихи 1960–1968 гг. соответствуют первому периоду творчества поэта, когда происходит становление художественной системы, лирический субъект этого времени отличается в целом романтически-барочным мировосприятием, но в крымских стихах романтические иллюзии постепенно рассеиваются, более того, обнажается кризис и ценностной системы, и психологического состояния. В это время поэт приезжает в Крым или с друзьями, или со своей женой Матильдой Якубовской. Основная тема – море, природа полуострова. Крым предстает неким топосом, утилитарным местом отдыха, «краем», «чье имя – радости синоним, / на берегу зеленом и морском» [25, с. 17], «Море хлюпает в мол. / Море мокрые камешки сыплет. / Им никто не насытится. / Море и мертвых живит» [25, с. 19].

Крым как поэтический образ в целом и различные его метонимические варианты в конкретном тексте предстает не только пространственным маркером, а скорее входит в субъектную сферу в роли «другого», с которым у перволичного лирического субъекта выстраиваются диалогические, но дистанцированные отношения – «Я с Севера, устав, как вол, / добра не чаючи, / пришел послушать рокот волн / и крики чаечьи» [25, с. 20].

Постепенно в силу жизненных перипетий эмпирического автора меняется и восприятие Крыма, появляются драматические и даже трагические нотки – «Волна плескалась медленно и вяло, / лизнет песок и пятится опять, / как будто в лоб кого-то

целовала и не хотела в губы целовать» [25, с. 19] – строчки из текста 1964 года, а вскорости нравственно-психологический кризис Б. Чичибабина отразится в стихотворении «Сними с меня усталость, Матерь Смерть...» [24, с. 124]. Как видим, первые признаки внутреннего конфликта эксплицированы в крымском тексте.

Данному творческому периоду принадлежат также стихотворения, которые расширяют топос Крыма как места отдыха его культурологической ценностью. В это время в Крыму Б. Чичибабин встретился с С.Я. Маршаком («В краю, чье имя – радости синоним...») [25, с. 17], здесь произошла также виртуальная встреча с А. Грином («Города Александра Грина») [25, с. 23] и Л.Н. Толстым («Севастополь») [25, с. 25]. И здесь же впервые поэт столкнулся с трагедией крымских татар. В стихотворении «Крымские прогулки» наиболее ярко проявился синкретизм авторского сознания и его презентанта – лирического субъекта: поэтика художественного мира эксплицирует ценностную систему биографического автора – «Люди на пляж, я – с пляжа, / там у лесов и скал, / «Где же татары?» – спрашивал, все я татар искал», «Умершим – не подняться, / не добудиться умерших... / но чтоб целую нацию – / это ж надо додуматься...» [25, с. 12-15]. В интервью Д. Лосеву уже в 1992 году поэт прокомментирует данное стихотворение – «...это не было политикой. <...> встать на сторону добра против зла – это не есть политика. Когда я видел трагедию крымскотатарского народа – для меня это не было политикой или этнографией. Это была моральная и нравственная проблема. Вот как я понимаю свои гражданские стихи. Это – акт нравственный, акт совести» [25, с. 90]. Как видно из приведенных текстов, дилемму этического и эстетического поэт для себя решает однозначно.

Но этическая позиция не обедняет стихотворения, при всей инвективности автору удастся передать чисто лирическую рефлексию – «Думал о Крыме: чей ты, / кровью чужой разбавленный?» [25, с. 12]. Эстетическая ценность как этого, так и других стихотворений первого периода творчества видится в мастерском использовании тропеического языка, в первую очередь – метафоры. Притом, это органичное синтезирование готового образа и открытого – «лохматой лазури ломоть», «там у синего моря цветы на камнях розовели, / и дремалось цветам под языческий цокот цикад» [25, с. 26], «Есть поселок в Крыму. Называется он Качивели.

Он висел среди скал и глаза нам лазурью колол» [25, с. 27]. Метафора у Б. Чичибабина в ранних крымских стихах работает именно на презентацию художественного мира, построенного по собственному сценарию авторского сознания, происходит пересоздание смыслов и значений первичных языковых образов. И если помнить, что метафора, по В.Н. Веселовскому [5], восходит к символу, развитому из одночленного параллелизма, – «Метафора и есть «одночленная параллельная формула, в которую перенесены некоторые образы и отношения умолчанного члена параллели» [цит. по 4, с. 58], то одному авторскому сознанию доступна «упущенная» часть параллели, а читатель может восхититься совершенством образа, но для адекватного понимания пути его формирования придется много потрудиться. В метафоре, по мнению В.Н. Веселовского, «отражен уже не синкретизм, а собственно поэтическое видение мира» [цит. по 4, с. 56]. Метафора предстает способом пересоздания мира, способом познания и выстраивания мира на основаниях, субстанциональных авторскому сознанию.

У Б. Чичибабина искусная метафора зачастую соседствует, как это видно из примеров, с обыденным («простым», «нестилевым») словом и даже просторечием, к примеру, «бесшабашное солнце плывет в галактической выси / над просоленной галькой, обломьшем древних пород» [25, с. 26]. Авторское сознание работает на пересечении высокого и низкого, сакрального и профанного:

*Над вечным морем свет сменила мгла.
Плывут валы, как птицы в белых перьях.
Всей красоты не разглядеть теперь их,
лишь пыль от них на камушки легла.
И женицина, пришедшая на берег,
в напевах волн стоит голым-гола,
как хрупкий храм. И соль на бедрах белых,
и славят ночь ее колокола.
Две наготы. Два неба. Два набата.
Грозна душа седого шалуна,
и, вся его дыханием объята,
как синева, хмельна и солонка,
стоит у моря женицина ночная,
сама себя не видя и не зная [25, с. 27].*

Итак, в первом блоке крымских текстов, как видим, преобладает тропеический художественный язык, а точнее, метафорический, следующий же, включающий стихотворения 1968–1984 годов, демонстрирует преобладание языка символического. Если исторически, опять же, по В.Н. Веселовскому [5], метафора вырастает из символа, то есть, изначальный синкретизм мифологического сознания расчленяется интенцией человеческого сознания к особости, выделенности из тождественности, то у Б. Чичибабина наблюдаем процесс обратный.

В жизни поэта произошли существенные изменения. Его перестали печатать, запретили руководство поэтической студией, ужесточился контроль властных структур, распался брак с первой женой. Все это вместе привело к серьезному внутреннему кризису. Встреча с Лилей, которая станет женой и другом, помогла Б. Чичибабину пройти через душевные трансформации и обрести себя уже в новом качестве. Его исключают из Союза писателей, но он не перестанет писать, более того, приобретет широкую известность. Его стихи распространялись через самиздат, передавались в рукописных текстах. Духовные трансформации эмпирической личности эстетически воплотились в его стихах. И крымские тексты этого периода, позволяют выявить источник духовного роста поэта.

С 1968 года приезжать в Крым Б. Чичибабин будет только со своей женой Лилей Карась-Чичибабиной. И Крым поменяет статус в художественном мире поэта. Любовь к женщине изменит восприятие мира, откроет ему себя самого и позволит увидеть в мире божественное проявление. Судьбе было угодно, чтобы такие трансформации происходили с автором именно в Крыму – «Еще недавно ты со мной, / два близнеца в страде земной, / молились морю с Карадага» (1968) [25, с. 28]. Обратим внимание, молитвенная форма сближает коммуникантов, если Крым в предыдущих текстах выступал «другим» в отношениях «я-он», то теперь дистанция между субъектными формами укорачивается («я-ты»), происходит существенное и сущностное сближение.

Крымские реалии наполняются символическим смыслом. Те реальные места Крыма, которые посетят Чичибабины, станут маркерами духовного мира поэта – «Ласточкино Гнездо – нежного неба зов» [25, с. 30], Судак – «Мать Вечность царит

над нагим побережьем» [25, с. 34], «Восточный Крым, чья синь седа, / а сень смолиста, – / нас, точно в храм, влекло сюда / красе молиться» [25, с. 36], Херсонес – «Да будут нам сниться воскресные сны / про край, чья душа синеока» [25, с. 40], «Чуфут пустой, как храм над попелищем, / Чуфут ничей, / и, может быть, мы в нем себе отыщем приют ночей» [25, с. 42] и мн. др.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, как метафора работает на символизацию художественного образа Крыма. Постепенно в эстетической реальности Бориса Чичибабина формирует миф о Крыме, создается целостное мифологическое пространство с природными и географическими реалиями, и даже с героями, без которых миф невозможен – «и Пушкин сам в Бахчисарае наш путь благословил» [25, с. 42], Александр Грин – «С прозрения по гроб он жаждал только чуда, / всю жизнь он прожил т а м, и ни минуты з д е с ь» [25, с. 46]. Героями крымского мифа Б. Чичибабина стали О. Мандельштам («Феодосия») [25, с. 64] и М. Цветаева («На могиле Волошина») [25, с. 44], Данте («Эрнст Неизвестный, будь вам зло во благо!») [25, с. 39] и Леонардо да Винчи («На могиле Волошина») [25, с. 44], А.Н. Радищев («Крымские прогулки») [25, с. 16] и А. Мицкевич («Леся в Ялте») [25, с. 52], Свифт («С. Славичу») [25, с. 50] и Стендаль («Еще недавно ты сонной») [25, с. 28], Леся Украинка и Т. Шевченко («Леся в Ялте») [25, с. 52], С. Славич («С. Славичу») [25, с. 50] и К. Паустовский («Паустовскому») [25, с. 57].

Особое место среди героев крымского мифа Б. Чичибабина принадлежит М. Волошину – «Художник, пророк и бродяга, / незримой земли властелин, / у вскинутых скал Карадага / со всеми свой рай разделил» [25, с. 44], «Образ Божий, творческий и добрый, / в серой блузе, с рыжей бородой, / каждый день он с посохом и торбой / карадагской шествует грядой...» [25, с. 62].

Центром крымского мифологического пространства для Б. Чичибабина стал волошинский Коктебель, обрамленный горами Кучук-Енишар и Карадаг. То есть, все мифологические параметры в поэтическом мире четко выдержаны. Но эстетическая реальность не могла быть создана без конкретного жизненного опыта эмпирического автора. В 1984 году в Коктебеле Б. Чичибабин прошел через духовную трансформацию и получил божественное откровение – «Все в глубь и ввысь! А не

дойду до цели – / на то и жизнь, на то и воля Божья. / Мне это все открылось в Коктебеле / под шорох волн и черного подножья» [25, с. 60].

Апелляции авторского сознания к метафоре постепенно становятся более редкими, Крым через символизацию приобретает статус мифа в художественном мире автора, притом мифа не только сюжетного, но и жизнеобразующего. Это приводит к тому, что статус Крыма снова меняется в последних стихотворениях, связанных крымской тематикой. Эстетическая реальность Б. Чичибабина приобретает новые качества. После стихотворений 1984 года, связанных с пребыванием в Коктебеле, а это девять текстов, в 1992 году появится еще два.

Первое, «Оснежись, голова! Черт-те что в мировом чертеже!..» [25, с. 68], формирует эстетическое поле метафорически, но далее актуализируется язык кумуляции, характерный для эпохи синкретизма, в современной поэзии работающий на оцельнение художественного мира. В мир поэта вовлекаются на равных правах горести и радости («тьма болевая» и «духовная радость»), политика и нравственность («византийский комар» и «живу, как дано, никого за печаль не виня»), метафизика и эмпирика («слово, что было в начале» и «Лилия руку в запястье сломала»), поэзия и обыденность («обиталище утренних муз, / добывающих свет из печали» и «незрячие щенята», «одуревшие в сиротстве», которые «свой закут чернят, издеваясь, как черти, над всем») [25, с. 68].

Метафорические образы и простое слово сочетаются присоединительной кумулятивной связью в целостный мир, центром которого остается М. Волошин, но уже не как символический мифический герой. В этом стихотворении миф материализуется, экстраполируется на реальное физическое пространство – «Есть в Крыму Коктебель, в Коктебеле – Волошинский дом». «Дом» обретает в художественном мире поэта реальные атрибуты – временные («теперь»), пространственные («веранда», «стол», «виноград») – и реальных жильцов, в число которых входит и поэт, что презентовано местоимением – «мы».

*Есть в Крыму Коктебель, в Коктебеле – Волошинский дом,
и опять, как теперь, мы к нему на веранду придем,
до конца свой клубок разматавши, –
там, органно звуча, в нас духовная радость цвела,*

*там сиял, как свеча, виноград посредине стола
и звенела походка Наташи [25, с. 68].*

Так Крым постепенно становится уже не символом, а «своим» не только пространством, но миром, центр которого – Дом Поэта. В последнем крымском стихотворении «Подводя итоги» (1992) находим тому подтверждение – «Покарауль наш дом, / а я пойду по свету <...> Да будем нам щитом / душевная отвага / отшельника, чей дом / стоит у Карадага» [25, с. 70].

ВЫВОДЫ

Таким образом, взгляд на поэтику крымских стихов позволяет увидеть, какие изменения происходят в авторском сознании Б. Чичибабина и как меняется статус Крыма в художественном мире. Если исторически художественные языки формировались в порядке – кумуляция, параллелизм, тропы, простое слово по степени растождествления мира и человека, и этот путь скорее можно назвать инволюционным, то авторское сознание Б. Чичибабина эволюционирует от индивидуально-личностного к целостному единству. На уровне художественных языков метафора уступает первенство символу, но не исчезает из эстетического поля; введение простого слова в поэтическую реальность актуализирует кумулятивную связь; синтез мифопоэтического языка кумуляции и символа, понятийного языка метафоры и условно-поэтического языка «нестилевого» слова демонстрирует новые синкретические отношения в художественном мире. Это не является архаическим синкретизмом тождества, но демонстрирует интенции авторского сознания к единству с миром в его многогранности и целостности. Крым меняет свой статус от топоса к мифу и далее – к «своему» миру и для автора-творца, и для эмпирического автора, поскольку именно в Крыму произошла с ним духовная трансформация, снизошло божественное откровение «на берегах» «заветного залива», что определило весь дальнейший жизненный и художественный путь поэта.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собр соч.: В 7 т.: Т. 1 / М. М. Бахтин. – М.: Изд-во «Русские словари»; Языки славянской культуры, 2003. – С. 69–262.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин [Сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова]. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
4. Бройтман С. Н. Историческая поэтика: Учеб. пособие. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 418, [2] с.
5. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский; [Вступ. ст. И. К. Горского, с. 11–31; Комментар. В. В. Мочаловой]. – М.: Высш. шк., 1989. – 404 с.
6. Гинзбург Л. Я. О лирике / Лидия Гинзбург; [Вступ. ст. А. С. Кушнера]. – М.: Интрада, 1997. – 414 с.
7. Иванов Вяч. Собр. соч. в 4 т. – Т. 2. – Брюссель, 1974. – 870 с.
8. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд., испр. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
9. Лотман Ю.М. Риторика // Лотман Ю.М. Избр. статьи: В 3 т. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн, 1992. – 479 с.
10. Мирошниченко Н.М. Эволюция авторского сознания в ранней лирике М.Волошина : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Н.М. Мирошниченко. – Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского.– Симферополь, 2014. – 233 с.
11. Остапенко И. В. Проблема творчества и образ творца в лирике Б. Чичибабина / И. В. Остапенко // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 49. – Т. 2. – С. 136–141.
12. Остапенко И.В. Пейзажный дискурс как картина мира в русской лирике 1960–1980-х годов. : Дисс. ... докт. филол. н. : 10.01.02. / Остапенко Ирина Владимировна ; Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского. – Симферополь, 2013. – 530 с.
13. Остапенко И.В. Природа в русской лирике 1960–1980-х годов: от пейзажа к картине мира: монография. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – 432 с.
14. Остапенко И.В. Художественный мир Бориса Чичибабина в литературоведческой рецепции : монография. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. – 206 с.
15. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 333 с.
16. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – С. 73–89.
17. Теория литературы : Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : В 2 т. : Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; Под ред. Н. Д. Тamarченко. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 512 с.
18. Тодоров Цв. Теории символа / Цветан Тодоров; Пер. Б. Нарумова. – М., Дом интеллектуал. кн., 1999. – 384 с.
19. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика : Учеб. пособие / Вступ. статья Н. Д. Тamarченко ; Комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тamarченко. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.

20. Топоров В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов : (Палеолитическая эпоха) / В. Н. Топоров // Ранние формы искусства : Сборник статей / Составитель С.Ю. Неклюдов ; Отв. ред. Е.М. Мелетинский ; Вступит. Статья от сост-ля. – М. : Искусство, 1972 . – 77-103.
21. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исслед. в обл. мифопоэтического : Избранное / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс : Культура, Б. г. (1994). – 621 с.
22. Фрейдберг О.М. Миф и литература древности [Текст]. – Москва : Наука, 1978. – 605 с.
23. Хайдеггер М. Время картины мира / Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления (пер. с нем.; комм. В.В. Библихина; серия “Мыслители XX в.). – М., Республика 1993. – С. 41–63.
24. Чичибабин Б. А. В стихах и прозе / Б. А. Чичибабин. – Харьков: Фолио; Каравелла, 1998. – 463 с.
25. Чичибабин Б.А. «Перед землею крымской совесть моя чиста...»: Книга стихов и прозы / Предисл. Л.С. Карась-Чичибабиной. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. – 132 с.
26. Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа фактических нарушений // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 110–133.

References

1. Bahtin M. M. *Avtor i Geroj v Esteticheskoy Deyatel'nosti* [Author and Hero in Aesthetic Activity]. Bahtin M. M. *Sobranie sochineniy v 7 vv.*: Vol. 1. Moscow: Russkie slovari Publ.; YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – pp. 69-262.
2. Bahtin M. M. *Estetika Slovesnogo Tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 424 s.
3. Berdyaev N.A. *Filosofiya Svobody. Smysl Tvorchestva* [Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow: Pravda, 1989. 608 p.
4. Brojtmann S. N. *Istoricheskaya Poetika* [Historical Poetics]. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennuy gumanitarnuy universitet Publ., 2001. 418 p.
5. Veselovskij A. N. *Istoricheskaya Poetika* [Istorical Poetics]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1989. 404 p.
6. Ginzburg L. YA. *O Lirike* [About the Iyrics] Moscow: Intrada Publ., 1997. 414 p.
7. Ivanov Vyach. *Sobranie Sochinenij v 4 vv* [Collected Works in 4 volumes]. Vol. 2. Bryussel Publ., 1974. 870 p.
8. Losev A.F. *Problema Simvola i Realisticheskoe Iskusstvo* [The Problem of Symbol and Realistic Art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1995. 320 p.
9. Lotman YU.M. *Ritorika* [Rhetoric]. *Izbrannye stat'i: V 3 v.* Vol. 1: *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. Tallinn, 1992. 479 p.
10. Miroshnichenko N.M. *Evoluciya Avtorskogo Soznaniya v Rannej Lirike M.Voloshina: Dis. ... kand. filol. nauk* [The Evolution of the Author's Consciousness in the Early Lyrics of M.Voloshina. Thesis]. Simferopol', 2014. 233 p.
11. Ostapenko I. V. *Problema Tvorchestva i Obraz Tvorca v Lirike B. Chichibabina* [The Problem of Creativity and the Image of the Creator in the Lyrics of B. Chichibabin]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. Simferopol', 2004. No 49. Vol. 2. – Pp. 136–141.

12. Ostapenko I.V. *Pejzazhnyj Diskurs kak Kartina Mira v Russkoj Lirike 1960–1980-h Godov. Diss. ... dokt. filol. Nauk* [Landscape Discourse as a Picture of the World in Russian Lyrics of the 1960s-1980s. Thesis]. Simferopol', 2013. 530 p.
13. Ostapenko I.V. *Priroda v Russkoj Lirike 1960-1980-h Godov: ot Pejzazha k Kartine Mira* [Nature in Russian Lyrics of the 1960s-1980s: from Landscape to World Picture]. Simferopol': IT «ARIAL» Publ., 2012. 432 s.
14. Ostapenko I.V. *Hudozhestvennyj Mir Borisa CHichibabina v Literaturovedcheskoj Recepcii* [Boris Chichibabin's Artistic World in Literary Reception]. Simferopol': IT «ARIAL» Publ., 2015. 206 p.
15. Propp V. YA. *Istoricheskie Kornj Volshebnoj Skazki* [Historical Roots of a Fairy Tale]. Moscow: Labirint Publ., 2000. 333 p.
16. Solov'ev V.S. *Obshchij smysl iskusstva // Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [The general meaning of art // Philosophy of art and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1991. Pp. 73–89.
17. *Teoriya Literatury: Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshih uchebnyh zavedenij* : V 2 t. : T. 1. *Teoriya Hudozhestvennogo Diskursa. Teoreticheskaya Poetika* [Theory of Literature : Textbook for Students of Philological Faculties of Higher Educational Institutions : In 2 volumes : Vol. 1. Theory of Artistic Discourse. Theoretical Poetics] N. D. Tamarchenko, V. I. Tyupa, S. N. Brojtman ; Pod red. N. D. Tamarchenko. Moscow: «Akademiya» Publ., 2004. 512 p.
18. Todorov Cv. *Teorii Simvola* [Theories of the Symbol]. Moscow: Dom intellektualnoy knigi Publ., 1999. – 384 p.
19. Tomashevskij B. V. *Teoriya Literatury. Poetika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1996. 334 p.
20. Toporov V. N. *K Proiskhozhdeniyu Nekotoryh Poeticheskikh Simvolov : (Paleoliticheskaya Epoha)* [On the Origin of Some Poetic Symbols: (Paleolithic Epoch)] // Rannie formy iskusstva : Sbornik statej. Moscow: Iskusstvo Publ., 1972 . Pp. 77–103.
21. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz : Issledovanie v oblasti mifopoeticheskogo : Izbrannoe* [Myth. The ritual. Symbol. Image : Explore. in the Region of the Mythopoetic : Favorites] Moscow: Progress: Kul'tura Publ., 1994. 621 p.
22. Frejdenberg O.M. *Mif i Literatura Drevnosti* [Myth and Literature of Antiquity]. Moscow: Nauka Publ, 1978. 605 p.
23. Hajdegger M. *Vremya Kartiny Mira / Vremya i Bytie: Stat'i i Vystupleniya*. [Time Pictures of the World / Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993. Pp. 41–63.
24. CHichibabin B. A. *V Stihah i Proze* [In Verse and Prose]. Har'kov: Folio; Karavella Publ., 1998. 463 p.
25. CHichibabin B.A. «*Pered Zemleyu Krymskoj Sovest' Moya Chista ...*»: *Kniga Stihov i Prozy* ["My Conscience is Clear before the Crimean Land...": A Book of Poems and Prose]. Simferopol': IT «ARIAL» Publ., 2013. 132 p.
26. YAkobson P.O. *Dva Aspekta Yazyka i Dva Tipa Fakticheskikh Narushenij // Teoriya Metafor: Sbornik* [Two Aspects of Language and Two Types of Aphatic Disorders // The Theory of Metaphor: Collection]. Moscow: Progress Publ., 1990. 512 p. Pp. 110–133.

**POETIC TRANSFORMATIONS AS AN EXPLICATION
OF THE EVOLUTION OF THE AUTHOR'S CONSCIOUSNESS
(BASED ON THE MATERIAL OF THE B. CHICHIBABIN'S BOOK OF POEMS
"MY CONSCIENCE IS CLEAR BEFORE THE CRIMEAN LAND...")**

Ostapenko I. V.

The article considers aspects of the poetics of B. Chichibabin's book of poems "My Conscience is Clear before the Crimean land ..." (2013), it presents the evolution of the author's consciousness in correlation with the change in the status of Crimea in the art world. Historically, the formation of artistic languages - cumulation, parallelism, tropes, a simple word - represents the process of man's and the world's disidentification, the isolation of human consciousness. The author's consciousness of B. Chichibabin evolves from an individual-personal to an integral unity. At the level of artistic languages, metaphor gives way to the primacy of the symbol, but does not disappear from the aesthetic field; the introduction of a simple word into poetic reality actualizes the cumulative connection; the synthesis of the mythopoetic language of cumulation and symbol, the conceptual language of metaphor and the conditionally poetic language of the "non-stylistic" word demonstrates new syncretic relations in the artistic world. This is not an archaic syncretism of identity, but it rather demonstrates the intentions of the author's consciousness to unity with the world in its versatility and integrity. Crimea is changing its status from a topos to a myth and then to its "own" world for both the author-creator and the empirical author, since it was in Crimea that B. Chichibabin underwent a spiritual transformation, which determined the poet's entire further life and artistic path.

Keywords: B. Chichibabin, Crimea, evolution of author's consciousness, author-creator, author's worldview, poetological transformations, artistic languages, cumulation, metaphor, symbol.